

Е. Е. Тихомирова

*Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск*

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЕДИНАЯ МАТРИЦА ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ?

В статье автор обращается к теоретическому анализу языковых и культурных универсалий, делает попытку показать, что на уровне семантики в естественном языке можно выделить языковую культурную универсалию, которая соответствует культурной норме. Эта универсалия может быть представлена в виде матрицы, включающей субъекта, человека, системно вписанного в мир посредством деятельности, осуществляемой во времени. Языковая культурная универсалия объединяет язык и культуру и имеет ключевое значение для выживания человека как существа культурного.

Ключевые слова: культура, культурная универсалия, бинарные оппозиции, культурная норма, концепт, язык.

Изучение взаимосвязей языка и культуры находится в центре современных гуманитарных исследований. Становление информационного общества обуславливает рост научного интереса к формам и способам производства, передачи и хранения информации. Ведущая роль в этих процессах принадлежит естественному языку. Посредством естественного языка общество и индивид получают огромный объем информации о мире, изменениях в нем. Эта информация структурирована благодаря категориям (пространства, времени, целого, части, общего, единичного и т. д.), с помощью которых человеческое сознание организует свое представление о мире.

Но в современный период наблюдаются деструктивные тенденции в области языка. Язык утрачивает свою роль в адекватной передаче знаний о мире. Распадаются языковые нормы на всех уровнях системы, в язык неоправданно заимствуется избыточное количество иноязычных слов, происходит нивелирование стилевых различий, деформируется и самая устойчивая структура – грамматическая, что приводит к дисфункциям языка. Разрушается его познавательная и коммуникативная роль в обществе и роль транслятора культуры. В связи с этим возникает потребность в изучении языка как многоуровневой системы и языка как части культуры. В культуре язык соотносится с такой сферой че-

ловеческой деятельности, которая концентрирует в себе мировоззрение членов сообщества (систему ценностей, норм), т. е. выступает точкой отсчета в анализе любого вида деятельности – в нашем случае, языка. Этой сферой является культура – область смыслов (семантика человеческой деятельности), принципиально значимая для человека как сознательного существа.

Для исследования феномена культуры и языка необходимо обратиться к трудам по философии и теории культуры. Именно на базе анализа множества трактовок культуры выделяются такие общие из них, в которых культура определяется через соотношение с человеком. Это – «технологическое» определение культуры [1], суть которого: культура есть внебиологический способ деятельности человека. И это – «аксиологическое» понимание культуры [2, 3, 4]: различные варианты трактовки сущности культуры как развития человека в качестве разумного существа.

В работах Н. В. Исаковой доказывается приоритет аксиологического определения культуры как наиболее глубинного – базового (а «технологического» как общенаучного) через рассмотрение человека (человеческого сообщества) в предельно широкой системе координат – общеэволюционном процессе [5]. При таком подходе культура, или развитие человека как разумного существа, предстает принципиальной его чертой, т. е. родовой характеристикой, а следовательно, нормой деятельности. Норма раскрывается через более конкретные характеристики деятельности человека – системность и универсальность.

В лингвистике и в лингвокультурологии также имеют место представления о нормативности, системности и универсальности. Языковые универсалии, провозглашенные Дж. Гринбергом [7], понимаемые как закономерности, общие для всех или большинства языков, можно выстроить в систему в соответствии с уровнями языка: от фонетического до уровня сложного предложения. Языковые универсалии определяют ограничения, которые накладываются на естественный язык: на фонетическом уровне – общими свойствами речевого аппарата человека, на лексическом уровне – единым для всего человечества способом осмысления действительности. Дж. Гринбергом, Ч. Осгудом, Дж. Дженкинсом было доказано, что универсальная иерархическая упорядоченность всех языковых элементов проявляется в закономерностях устройства человеческого языка вообще [8].

Связь языка с культурой как областью смыслов стала очевидной на рубеже XIX и XX веков, когда в недрах американской культурной антропологии возникла этнолингвистика. В 1970-е годы возникает лингвокультурология на стыке изучения языка и культуры. Ю. М. Лотман и Тартуская семиотическая школа выявили и описали специфику языка как первичной знаковой системы, а явления культурного ряда – как вторичные моделирующие системы. В русле семиотического и лингвокультурного подхода изучаются объективирующиеся в языке и исторически обусловленные особенности менталитета народа [9, с. 344]. Активно разрабатывается понятийно-терминологическое поле лингвокультурной концептологии, которая трансформирует традиционное отношение «язык – культура» в отношении «язык – сознание – культура».

Обзор литературы показывает, что языковеды движутся в направлении «размыкания» собственно лингвистических исследований, выхода в социокультурный контекст. Сама логика анализа подсказывает, что язык – несамодостаточная система, он – часть более широкой системы. Не случайно возникают такие научные направления, как сначала семиотика, а затем отрасль знания с говорящим названием – лингвокультурология.

Во-первых, большинство исследований, осуществляемых языковедами, идут от анализа собственно языка к рассмотрению функционирования языка в культуре, установлению связей между внутренними закономерностями и внешними. Иными словами, будучи разнообразными и многочисленными, эти характеристики все же не позволяют составить целостное представление о взаимоотношениях языка и культуры.

Во-вторых, содержательно не истолковывается сам термин «культура». Это приводит к практическому неразличению, качественно, понятий культуры и общества (что свойственно «технологической» трактовке культуры) и, в конечном счете, к нивелированию принципиальной специфики человека – направленному движению человеческого общества (что как раз отражено в аксиологической концепции культуры). Из этого следует невозможность реального системного видения языка – как открытой системы и элемента более широкой системы: инструмента деятельности человека, имеющей направленность (в отличие от поведения животных). Отсутствие системных исследований по данному вопросу оборачивается частичностью или субъективизмом выводов.

Поэтому необходимо встречное движение от исследований культуры к осмыслению языка как ее элементу. Именно это могут обеспечить

культурологические разработки соответствующего профиля. Следовательно, только на стыке наук, при интеграции научных исследований – философско-культурологических, с одной стороны, и лингвистических и лингвокультурологических, с другой – возможно адекватно решать современные культурологические проблемы, то есть предполагается схождение исследовательских путей в некотором пункте, в равной мере относящемся и к культурологическому, и к лингвистическому аспектам анализа.

Культурология и философия XX века осознали, что понять природу языка, его сущность можно, исходя лишь из культурного универсума, человека, его общественной сущности. В связи с этим появилась необходимость создания единой теории языка, человека и его культуры. Семиотика увидела эту связь и выразила ее в проблемах: язык и другие системы коммуникации; язык и знаковое поведение человека; язык и мышление, его разум; язык и текст; язык как хранилище коллективного опыта человека и др. Этими науками было показано, что наиболее фундаментальной и универсальной знаковой системой является естественный язык, поэтому структурная лингвистика и семиотика естественного языка – синонимы. Ведущим представлением о языке становится понимание языка как фундаментальной знаковой (семиотической) системы, которая порождает другие языки (семиотики) культуры. Естественный язык в ряду моделирующих систем лежит в основе искусства, религии как разновидностей моделирующей деятельности. Содержанием вторичных систем выступает мир, «переведенный на язык нашего сознания» [8, с. 326]. Под «вторичными моделирующими системами» понимаются также семиотические системы, с помощью которых строятся модели мира или его фрагментов. Эти системы являются вторичными по отношению к естественному языку, над которым они надстраиваются – непосредственно (надъязыковая система художественной литературы) или в качестве параллельных ему форм (музыка или живопись). «Системой систем», базирующейся на естественном языке, Ю. М. Лотман называет культуру.

Современное состояние комплексных исследований показывает, что безуспешным оказалось стремление отыскать универсальный метод, аппарат и пр., которые позволили бы понять с единой точки зрения практически все явления знаковой природы, в том числе и естественного языка. Отталкиваясь от идей Соссюра, представители семиотическо-

го направления настаивали на произвольности природы знака, коллективном характере языка и его изначально коммуникативной природе.

Более продуктивным представляется лингвокультурологический подход, который перешел от грамматики языка к его семантике. Лингвокультурология поставила перед собой задачу целостного и системного выстраивания единиц языка и единиц культур. Наметился вектор сближения «технологических», структуралистских теорий с культурологией, философией, антропологией, что дает возможность предложить аксиологическое определение языка, в более широкой системе координат, определить феномен человека и культуры. В нашем исследовании задается контекст изучения современных процессов в области языка – культурологические и философские представления о человеке.

Существует целый ряд подходов к пониманию человека. Мы, в свою очередь, вслед за Н. В. Исаковой предложили вариант понимания человека в контексте общей эволюции. Толкование направленности данного процесса входит в определение человека как его этапа. То есть в трактовку сущности человека как существа эволюционирующего закладывается понимание вектора динамики (эволюции). В этих рамках человек характеризуется как существо биосоциокультурное, где культура выступает родовым признаком, фиксирующим и уровень человека на общеэволюционной лестнице, и направленность человеческой деятельности (соответствие магистральной тенденции общей эволюции). Иными словами, культура оказывается принципиально важной для оценки деятельности человека.

В рамках этой же концепции сопоставляются разные точки зрения на культуру, обосновывается приоритет аксиологической (развитие человека как разумного существа), конкретизируется понимание культуры как характеристики деятельности: системной, универсальной (имеющей всеобщий характер и «встроенный» в Универсум), нормативной. Эти характеристики важны как аспекты анализа языковой деятельности.

При таком подходе возможно выявить две значимые составляющие в анализе языка с точки зрения культуры (связанные между собой универсальность и системность человеческой деятельности), которые в культурологическом и философско-антропологическом аспектах понимаются как системное «встраивание» человека в широкий контекст – Универсум. Подробное рассмотрение строения, становления, функционирования естественного языка позволило обнаружить языковой

феномен (феномены) как некую единицу анализа (или точку отсчета), которая имеет принципиальное культурное значение, т. е. является языковой культурной нормой. При этом универсальность естественного языка, согласно традиции изучения этого явления, рассматривается как всеобщность, как неотъемлемое свойство человеческой природы. На современном этапе исследований наличие языковых универсалий представляется обусловленным единством биологической и психологической организации человека как вида. Общие биологические корни и общее развитие обусловили сходство различных племен человеческого сообщества и общую биологическую и психологическую основу сходства языков. Она представляется в ряде зависимостей между интеллектуальными потребностями и возможностями человека, с одной стороны, и строением языка, с другой. Объяснение универсальных черт языков, в первую очередь, биологически основывается на врожденности речемыслительных механизмов, генетически запрограммированных в нейрофизиологических структурах мозга человека. Языковая память может быть охарактеризована как общее свойство нервной ткани. Языковая память кодируется в РНК и ДНК.

Таким образом, исследуемые языковые универсалии есть исходный пункт поиска языковых культурных феноменов. Всеобщий характер универсалий естественного языка как инструмента человеческой жизнедеятельности обусловлен общностью природы человека. Подчеркнуто, что существуют параллельные, смежные термины, связанные с универсальностью языка («универсалии» как общие понятия в философии, «культурные универсалии» в культурной антропологии, «универсалии эволюции» в социологии). Все они напрямую или косвенно соприкасаются с языковыми универсалиями. Однако в их дефинициях требуется уточнение понятия «культура», точное отграничение их от культурных архетипов, культурных норм и культурных образцов.

Языковые универсалии можно расположить по уровням – сторонам связи с человеком как создателем и носителем языка. Они выстраиваются в иерархический ряд: от материального к идеальному (от физического к семантическому, от уровня бессознательного к осознанному уровню). Это свидетельствует о том, что выделенные универсалии являются не случайным набором некоторых сущностей, а иерархией уровней, упорядоченностью. То есть они предопределены к образованию системы. Что касается функций языка, то в научных трудах описаны различные на-

боры функций в зависимости от контекста исследования. На основании ранжирования выделенных функций делается вывод о возможности их систематизации: 1) рационально-технологические (общения, познания, моделирования поведения): когнитивная, коммуникативная, хранения и передачи самосознания и традиционной культуры; волюнтаривная, и 2) эмоционально-психологические: экспрессивная (эмотивная), поэтическая, магическая. Среди функций просматриваются определенные корреляции. В первую очередь, базовыми функциями являются когнитивная, коммуникативная и экспрессивная.

Ядром этой системы, с точки зрения человекомерности, является лексический уровень, который складывается из предыдущих двух уровней (фонетического и морфологического) и является элементом, строительным материалом для последующего – грамматического уровня. Именно на уровне лексики происходит смыслообразование, концентрация смыслов – это и есть характеристика языка как инструмента человеческой деятельности. Концентрация смыслов на лексическом уровне и нарастание семантики отражает специфику человеческой деятельности. Язык, являясь системой систем, где предыдущий уровень является строительным материалом для последующего, уже на фонетическом уровне закладывает стержень для формирования более сложных уровней. Это позволило выдвинуть гипотезу, что на основе реконструкции фонетической системы индоевропейского праязыка возможно воссоздать его морфологическую, лексическую и часть синтаксической структуры, а также культуру индоевропейцев [8]. В целом эта языковая система характеризовалась иерархичностью, а все уровни построены по принципу бинарных отношений, начиная с фонетического уровня. Можно предположить, что бинарная оппозиция – системообразующая, сквозная характеристика языка, ибо если язык несет информацию, смыслы, то бинарная оппозиция – это универсальное средство членения мира, способ подачи информации о мире человеческим сознанием. Маркирование границ бинарной оппозицией, возможно, – это обозначение границ мира, причем в разных плоскостях.

Особое внимание обращено на бинарные оппозиции гласных $\bar{o}/\bar{\delta}$ и \bar{e}/\bar{e} , составляющие специфическую черту системы гласных индоевропейского праязыка. Эти чередования выстраиваются в базовое (пронизывающее все языки подсистемы и имеющее осложненные варианты) чередование $\bar{o}/\bar{\delta}/\bar{e}/\bar{e}$. Оно реконструируется всеми исследователями.

В ряде ранних теорий происхождения гласных индоевропейского праязыка, начиная с Ф. де Соссюра, чередование *o/e* и его варианты рассматриваются как развитие древнейшей (возможно, и единственной изначально) гласной *e*. На этом положении построена теория индоевропейского корня. Если обратиться к протомодели языка Ж. Пиаже [10], основанной на понятии синкретичного слова, обозначающего событие в целом, которое со временем расчленяется на событие и его предметную основу, выделяются специализированные событийные слова-глаголы и предметные имена, то можно соотнести данные рассуждения с тем, что синкретичный первоначально звук *e*, сначала дифференцируется (под воздействием определенных фонетических факторов) на чередование *o/e*, которое приобретает конкретное лексико-грамматическое значение. Оно последовательно разграничивает две базовые категории: ступень чередования *e* – глагол, ступень *o* – имя (в терминах грамматики), семантику и предикативность (в терминах семиотики), материю и движение (в терминах философии материализма). Гипотеза о том, что фонетическое противопоставление имени и глагола было основано на становлении различного взгляда на мир человека действующего – угрожающее поведение особи, управляющей социумом – и человека созерцающего – подчиненное поведение особи подчиняющейся – также вписывается в общий ход исследования [11].

Автор одной из первых обобщающих работ о языковых универсалиях Ч. Ф. Хоккет выделяет основное противопоставление классов и форм «имя» – «глагол». Эта дуальность универсальных структурных компонентов языка (имя, являющееся субъектом и объектом при описании мира, и глагол, предназначенный для описания связей между субъектом и объектом) является одним из определяющих признаков языка [12].

Таким образом, противопоставление «имя – глагол», маркированное еще на уровне фонетики чередованием *o/e* в индоевропейском праязыке, с одной стороны, описывает целостность человеческой деятельности, с другой стороны, описывает противоречие между двумя сторонами: семантикой и предикативностью. Очевидно, что на первых же этапах, на уровне фонетики были заложены зачатки семантики смыслов, которые затем развиваются на последующих уровнях и с наибольшей яркостью, на лексическом уровне, где ядро естественного языка как системы выражено наиболее полно. Что закономерно, ибо язык – инструмент человека как существа сознательного. Начиная с фонетики (с чере-

дования *o/e* в индоевропейских языках), выражается взаимоотношение человека и мира. Чтобы отношения человека с миром были адекватны для выживания, необходимо адекватно воспринимать мир. Чередование *o/e* выделяет человека из мира, отличает человека от животных. Только у человека есть ступень *o* – ступень разграничения субъекта/объекта. Животное не выделяет себя из окружающего мира, не идентифицирует себя как «самость» (один из шести основных архетипов у человека К. Г. Юнга). За счет деятельности сознания происходит движение от синкретичности (праиндоевропейского *e*) к расчленению, смысловой бинарности субъект/действие, субъект/объект и т. д., что и составляет стержень взаимоотношений человека и мира.

Очевидно, что эти дифференциации имеют принципиальный культурный смысл, так как культура, по сути, и есть деятельность по освоению мира. Дальнейшая категоризация мира в языке нанизывается на стержень бинарных оппозиций, развитие мыслительных категорий совершается путем поляризации [13]. Семантика естественного языка закрепляет результаты обращения и познания объективного мира, достигнутые в общественной практике людей. В европейской культуре были выработаны на основе грамматических оппозиций понятия «субъект – предикат», «субъект – объект», «иметь – быть», «форма – содержание», «время: прошлое – настоящее – будущее» и т. д. При этом разрастание категоризации универсума становится настолько дискретным, что с трудом реконструируется система в целом. В семантике лексических единиц наиболее сконцентрированы культурные смыслы. Собственно языковая семантика присутствует и на всех иных уровнях, она является интегрирующим началом, стержнем всей системы. Культурные смыслы, скрыто или явно присутствующие на лексическом уровне, можно рассматривать как преобразующее начало языковой деятельности человека.

Способ разрешения этого противоречия лежит в языке как в системе. Наличие семантического стержня, на который собирается вся система, является нормой. На развитой ступени существования языка стало возможным зафиксировать этот стержень. На фонетическом уровне, в свернутом виде это было зафиксировано в индоевропейских языках в оппозиции «имя – глагол», а в развернутом виде нормой является оппозиция «субъект (S) – действие (V) – объект (O)», которая работает на выживание человека.

На базе универсалий порядка слов в предложении Дж. Гринберга, из анализа его моделей, выводится следствие, что компоненты S, V, O

в различном сочетании присутствуют во всех языках. Достраивая положения об языковых универсалиях, устанавливается, что на глубинном уровне языка универсалией является матрица S–V–O, в которой отражено сознание человека. Данная матрица максимально согласована со способами использования языка в качестве орудия жизнедеятельности человека. И в ней же заложено культурное содержание. Эта матрица – основание, норма, организующая иерархию языковых универсалий. Норма связана с положением человека в универсуме, иерархическая вершина которого – культурная норма. В языках эта вершина (S–V–O) и есть вытяжка всех смыслов, и есть самый глубинный, общезначимый смысл, сопряженный с культурной нормой человеческой деятельности – культуросообразность.

Данную матрицу (S–V–O) можно считать семантической языковой культурной универсалией. Она, с одной стороны, языковая универсалия, т. к. такая структура (в различном порядке следования) выявлена во всех языках мира. С другой стороны, она культурная универсалия, т. к. указывает на системную встроенность субъекта (S) в универсум (O) через действие (V). Найденная матрица описывает системный характер деятельности человека. Иерархические связи между S–V–O предполагают адекватность взаимоотношений мира и человека. Иерархия этих связей (упорядочение совокупности языковых универсалий) показывает, что в основании связей языка и культуры находится человек, развивающийся во времени и пространстве.

Адекватное вписывание в контекст связано с культурной нормой. Существуют этапы выработки нормативного поведения, описываемого языковой культурной универсалией S–V–O и синтаксическим строем индоевропейского праязыка. На раннем этапе выявлены модели предложений: неактивный субъект – неактивный предикат; активный субъект – активный предикат; активный субъект – активный предикат – неактивный объект (эта модель предложения – производная от первых двух) и установлены корреляции между языковыми и философскими конструкциями, устанавливается этапность ступеней самосознания человека в мире: 1) человек – деятельность; 2) человек – взаимодействие с миром, объектом [14]. Ведущее место в кодировании социальной информации принадлежит универсальным языковым моделям речевой деятельности, как доказывает М. К. Петров [15], и если существует норма, то естественно, существуют и отклонения от нормы, связанные с разви-

тием человека и усложнением языка, появлением концепта (как индивидуального восприятия мира) и индивидуальной реализацией языковой системы в речи.

Семиотический анализ языка как элемента более широкой системы, на стыке языка и культуры как нормативной характеристики человека, выражает языковой феномен, обнаруживающий их нормативное культурное значение. Языковая культурная универсалия присутствует на всех уровнях языковой системы, но более всего – в семантике, то есть является языковой культурной нормой. Однако существование нормы подразумевает и отклонения от нее, которые находят свое выражение в утрате одного или нескольких компонентов нормы (субъекта, деятельности или объекта) как в рамках одной культуры, так в ситуациях взаимодействия разных культур. Обнаружена языковая культурная универсалия – универсалия, содержащая квинтэссенцию культурных смыслов, позволяющая напрямую соотнести язык с культурой. Это языковая культурная норма – матрица, элементами которой являются субъект, человек, системно вписанный в мир, и деятельность.

Таким образом, взаимосвязи языка и культуры (языковая культурная норма) могут быть представлены в виде матрицы: S–V–O, где S – субъект, человек – системно вписан в мир (O) посредством деятельности (V), осуществляемой во времени. Языковая культурная универсалия, являющаяся языковым аналогом культурной нормы, обладает динамикой в диахронии, в синхронии и зависит от субъективных (психологических) особенностей индивида. Поэтому можно предположить аналогичность, параллельность содержательных признаков культурной нормы (системности и универсальности – и всеобщности, и «вписанности» в Универсум) человеческой деятельности, с одной стороны, и базовых, общепризнанных характеристик языка – системности, универсальности, нормативности, с другой стороны.

Список литературы

1. *Межуев В. М.* Культура и история. – М.: Политиздат, 1977.
2. *Крёбер А. Л.* Конфигурации развития культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 465–498.
3. *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1983.

4. Уайт Л. Концепция эволюции в культурной антропологии // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – Т. 1. – С. 536–559.

5. Исакова Н. В. Культура и человек в этническом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. – Новосибирск: Изд-во МОУ ГЦРО, 2001.

6. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: Вводный курс / пер. с англ. В. П. Мурат. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

7. Гринберг Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 31–44.

8. Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Избранные статьи: в 3 т. – Т. 3. – Таллинн, 1992. – С. 326–344.

9. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Сравнительно-исторический типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 ч. – Ч. 1. – Тбилиси, 1984.

10. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. – М.: Просвещение, 1969.

11. Мониц Ю. В. К истокам человеческой коммуникации: ритуальное поведение и язык. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005.

12. Хоккет Ч. (Ф.) Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1975. – С. 45–76.

13. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998.

14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

15. Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Едиториал УРСС, 2004.